

Российско-германские отношения «после Крыма»: от «Партнерства для модернизации» до деградации диалоговых форматов

А. В. Багай

Третий Европейский департамент МИД России,
Российская Федерация, 119200, Москва, Смоленская-Сенная пл., 32/34

Для цитирования: Багай А. В. Российско-германские отношения «после Крыма»: от «Партнерства для модернизации» до деградации диалоговых форматов // Вестник Санкт-Петербургского университета. Международные отношения. 2019. Т. 12. Вып. 3. С. 357–376.
<https://doi.org/10.21638/11701/spbu06.2019.307>

Статья посвящена анализу процессов в российско-германских двусторонних отношениях, вызвавших радикальные изменения диалога Москвы и Берлина начиная с весны 2014 г. Материал демонстрирует состояние взаимодействия в политической и экономической сферах в «предкризисные» годы, раскрывает некоторые особенности общественно-политического дискурса в Германии по российской тематике, демонстрируя его динамику и качество, которые во многом определили последующие драматические изменения внешней политики Германии на российском направлении. Наряду с российскими и немецкими информационными источниками в публикации также использованы персональные наблюдения и выводы автора, работавшего в период с 2012 по 2017 г. в Посольстве России в Берлине, а ранее — в «немецком» отделе Комитета по внешним связям Правительства Санкт-Петербурга. В статье также раскрываются некоторые вопросы практической дипломатической работы по преодолению кризисных проявлений в двусторонних отношениях. Прослеживаются сформировавшиеся в ФРГ к 2014 г. и развившиеся впоследствии заметные информационные и внутривнутриполитические предпосылки для существенного «охлаждения» отношений с Россией, толчком к которому послужили события вокруг Украины. Анализируются основные направления общественно-политической дискуссии в Германии о будущем двусторонних отношений, их месте и роли в международных отношениях в целом. Приводятся примеры дипломатического инструментария, позволившего существенно затормозить процесс стремительной деградации российско-германского диалога, который, однако, несмотря на определенные позитивные сдвиги 2017–2018 гг., до настоящего момента все еще переживает серьезный кризис.

Ключевые слова: российско-германские отношения, информационная политика, дипломатия, межрегиональное сотрудничество.

Введение

История Версальского договора и его последствий, 100-летию которых посвящен настоящий выпуск журнала, и события «после Крыма» в новейшей истории российско-германских отношений — два периода, которые, на первый взгляд, не связаны какими-либо политическими параллелями. Действительно, ни сравни-

тельный анализ, ни пристальный взгляд на европейскую карту не дают нам подсказки о том, каким образом мы можем совместить эти исторические и временные промежутки.

Тем не менее обобщения, под определенным углом зрения, напрашиваются. Двадцатые, тридцатые годы XX в. — это, конечно, радикальные пертурбации, которые последовали «после Версаля» в отношениях Германии и Советской России, переходы от, казалось бы, смертельной вражды накануне и сразу после Брестского мира к годам взаимодействия после Рапалло. 2000-е годы — казалось бы, безоблачное «Партнерство для модернизации» ФРГ и России, сменившееся, внешне почти мгновенно, резким охлаждением отношений и разрушением большинства форматов межгосударственного взаимодействия.

Как стали возможны такие крайности? Востребованность ответа на этот вопрос связана, конечно, не только с «извечным» дискурсом дипломатов-германистов и историков о том, существует ли некое «особое» притяжение Москвы и Берлина, русских и немцев. Имеется здесь и сугубо практическая внешнеполитическая составляющая — необходимость планирования действий на германском направлении, поиск форматов взаимодействия с ФРГ на перспективу, выработка подходов к методике и идейному наполнению процесса восстановления сотрудничества с Германией. Востребована эта проблематика, как ни странно, и на «обывательском» уровне — ведь за время «особых отношений» с ФРГ, обозначившихся в начале XXI в., двустороннее сотрудничество России и Германии вовлекло в свою орбиту огромное количество граждан двух стран — от глав государств и правительств до школьников из российской глубинки, участвующих в программах молодежных обменов. Еще более актуальным указанный вопрос становится для нас с учетом уникального процесса исторического примирения русских и немцев во второй половине XX в. — феномена, не имеющего аналогов в мировой истории.

Целью данной статьи является прослеживание особенностей, свойственных современной немецкой внутренней политике, политической культуре ФРГ и социально-общественному устройству, которые способствовали практически молниеносному развороту официального Берлина от сотрудничества с Россией, развитие которого во многом воспринималось как движение к подлинному экономическому партнерству, к практике жесткого санкционного и политического давления с разрушением большинства диалоговых форматов.

В методологическом плане данная статья базируется на анализе наполнения германского политического и экспертного дискурса по российской тематике, научных публикаций и документов о состоянии и перспективах двустороннего сотрудничества, контент-анализе материалов немецких СМИ. В ряде приводимых обобщений и выводов автор использует собственные наблюдения, сделанные во время работы в Посольстве России в ФРГ в период острого политического кризиса между Берлином и Москвой.

Отметим, что в **научной исторической и политологической литературе** проблематика статьи пока, как представляется, не нашла полноценного и комплексного отражения. Из имеющихся отечественных работ на этот счет следует выделить, к примеру, публикации В.М.Васильева, посвященные изменениям внутривнутриполитического ландшафта Германии и трансформации «новой восточной политики»

в период с 2013 по 2018 г.¹ В определенной мере тема представлена в комплексных работах ведущего российского германиста Н.В.Павлова. Несомненную ценность представляют вышедшие в 2018 г. воспоминания Чрезвычайного и Полномочного Посла России в ФРГ В.М.Григина, заставшего во время своей работы в Берлине в 2010–2018 гг. практически все этапы очередных российско-германских «политических заморозков». Динамика серьезных внешнеполитических, экономических и внутренних изменений в ФРГ в интересующий нас период подробно прослеживается в ежегодных докладах Института Европы РАН «Германия» под редакцией В.Б.Белова. Непосредственно в самой ФРГ научный дискурс на российскую тему уже продолжительное время отличается предельной политизацией и в связи с этим носит поляризованный и ограниченный характер. В этом контексте отметим вышедшую в России в 2016 г. книгу немецкого политолога А.Рара «Россия — Запад. Кто кого?», в которой события двусторонних отношений увязываются с широким контекстом «цивилизационного противостояния»². Появляющиеся в самой Германии материалы на данную тему в своем большинстве носят критический по отношению к России характер, а научная методология в основном базируется теперь на трактовках новейшей истории Украины и всего восточноевропейского пространства. Ярким примером тому могут стать выкладки известного германского историка К.Шлегеля. Традиционно пристальное внимание российской проблематике уделяется в публикациях Немецкого общества внешней политики, являющегося основным германским внешнеполитическим «мозговым центром». Несмотря на явный «атлантический» характер данной организации, в «кризисный период» среди ее материалов периодически появлялись и относительно взвешенные публикации (см., напр.: [1]). Некоторые тезисы о трансформации российско-германских отношений можно найти в статьях зарубежных авторов, опубликованных, к примеру, в международном профильном журнале “German Politics” (см., напр.: [2]).

Российско-германские отношения «перед Крымом» — партнерство на фоне ценностного диссонанса

Еще в начале 2014 г. многое в российско-германском диалоге указывало на то, что между русскими и немцами действительно есть «притяжение», малообъяснимое с учетом известных темных страниц немецкой истории XX в. Двусторонний диалог эффективно развивался практически во всех сферах — в политике, экономике, культуре, науке и молодежной сфере. Имевшая место критика в адрес России со стороны определенной части немецких политических элит и СМИ по известным внешнеполитическим поводам и проблематике прав человека, порой очень резкая, на практике почти не мешала реализации перспективных проектов и во многом открытому, как тогда казалось, общению.

¹ В.М.Васильев — ведущий научный сотрудник Национального исследовательского института мировой экономики и международных отношений им. Е.М.Примакова РАН, доктор политических наук, работал в Посольстве России в Берлине, автор статьи «Восточная политика Германии: противоречивая эволюция» и ряда других материалов, опубликованных в журнале МИД России «Международная жизнь» и других научных изданиях.

² А.Рар, долгое время являвшийся в ФРГ ведущим и признанным экспертом по России, в связи со своими, как считалось в Германии, «пророссийскими» взглядами в 2014 г. был показательно выведен из медийной и политической дискуссии по российскому вопросу.

Так и должно быть — именно такое направление мысли прочно занимало умы политиков, журналистов и исследователей, связанных с Германией. Определенное профессиональное удовлетворение от действительно хорошо сделанной работы — многолетней и непростой — царило и в дипломатической среде. Руководство российских регионов бодро отчитывалось о масштабных немецких инвестициях и социальных программах, в ручном режиме сопровождая германские инициативы на местах. В некоторых случаях, как представляется, даже в ущерб интересам собственных экономоператоров.

На этом фоне настоящий обвал российско-германских отношений практически по всем направлениям, который был вызван односторонними действиями Берлина после крымских событий, воспринимался в 2014–2015 гг. не только и не столько, говоря языком экономистов, как «упущенная выгода». В первую очередь, речь шла о глубоком личном, человеческом разочаровании в немецких партнерах, непонимании того, как можно после стольких лет эффективного взаимодействия, выстроенного в том числе на личных дружеских контактах людей из совершенно разных сфер и слоев общества, рушить то, что казалось естественным и логичным — экономически, географически, да и просто исходя из здравого смысла.

Как оказалось, этот самый смысл «у них» и «у нас» оказался очень разным. Как тут не вспомнить противоречия, которые из года в год проявлялись на заседаниях российско-германского форума общественности «Петербургский диалог» и на других дискуссионных площадках. Поначалу, на фоне масштабных экономических проектов, от них попросту отмахивались, полагая, что речь идет о персональном, ограниченном мнении представителей НПО и единичных немецких политиков. То, что критика в адрес России в Германии явно выходит за рамки форумов и конференций, созданных в том числе и для разрешения противоречий в политических подходах, распространяясь уже в политике реальной, предпочиталось не выносить на передний план. Как оказалось позднее, когда Федеральный канцлер ФРГ А. Меркель провозгласила на нашем направлении санкционный «примат политики над экономикой», носителей таких «неудобных» для нас идей в Германии было достаточно. Во всяком случае в руководстве ФРГ и приближенных к ним кругах, а также среди политически и социально активной части граждан страны.

Тогда, в 2014–2015 гг., российско-германские отношения действительно потеряли многое. С началом XXI в. стала складываться уникальная конфигурация двустороннего взаимодействия, определенного в частности, как известно, «особыми» отношениями В. В. Путина и Г. Шрёдера. В апреле 2001 г. впервые в истории Президент Российской Федерации и Федеральный канцлер ФРГ возложили совместные венки на мемориальном Пискаревском кладбище в Санкт-Петербурге, а в сентябре — к мемориалу советским воинам в берлинском районе Тиргартен. К этому времени России и Германии уже удалось решить многие остававшиеся открытыми с советских времен вопросы двусторонних отношений. В 1994 г. были выполнены договоренности о выводе с германской территории российских войск, к осени 1996 г. реализована немецкая жилищная программа по их обустройству в России, к весне 2001 г. — инициатива по переподготовке увольняемых в запас военнослужащих (политические и экономические аспекты упомянутых событий оставляем здесь за скобками). Были заключены соглашения об уходе за военными могилами, о выплате Германией компенсаций российским жертвам нацистских преследований.

Был запущен и эффективно действовал механизм межгосконсультаций (МГК) на высшем уровне. В ходе третьего раунда МГК в Берлине в июне 2000 г. по инициативе Президента России и Федерального канцлера ФРГ для решения наиболее важных оперативных и долгосрочных задач была учреждена двусторонняя Рабочая группа высокого уровня по стратегическому сотрудничеству в области экономики и финансов (СРГ). 8–10 апреля 2001 г. в Санкт-Петербурге состоялось учредительное заседание российско-германского форума общественности «Петербургский диалог», созданного по инициативе лидеров двух стран. В первом десятилетии XXI в. отношения России и ФРГ ускорили свое развитие практически по всем азимутам.

На этой достаточно прочной базе начало 2010-х годов было ознаменовано «взрывным» ростом динамики и качества двусторонних связей. В октябре 2010 г. состоялся государственный визит в Россию Президента ФРГ К. Вульфа. В ноябре 2010 г. в ФРГ с рабочим визитом находился Председатель Правительства России В. В. Путин. Именно тогда были подписаны Декларация между российским Министерством экономического развития и Федеральным министерством экономики и технологий Германии о ключевых направлениях экономического сотрудничества в рамках инициативы «Партнерство для модернизации» и программа действий «Проекты-маяки». В ноябре 2011 г. Президент России Д. А. Медведев посетил ФРГ с официальным визитом, в ходе которого состоялась торжественная церемония открытия первой очереди газопровода «Северный поток». В июне 2012 г. прошел рабочий визит Президента Российской Федерации В. В. Путина в ФРГ. В апреле 2013 г. В. В. Путин вновь посетил ФРГ для участия в церемонии открытия Ганноверской промышленной выставки, в рамках которой Россия выступала в статусе главной страны-партнера. 21 июня 2013 г. канцлер ФРГ А. Меркель участвовала в качестве почетного гостя в работе 17-го Петербургского международного экономического форума.

Во многом благодаря интенсивным политическим контактам Германия постепенно стала одним из основных внешнеторговых партнеров России. В России действовало более 6000 предприятий с германским участием, в том числе около 800 предприятий со 100 % немецким капиталом. Около 100 компаний из ФРГ участвовали в подготовке спортивных объектов и инфраструктуры для зимних Олимпийских игр в Сочи в 2014 г. В 2013 г. объем российско-германской торговли достиг рекордного показателя в 74,9 млрд долл. США. Доля Германии во внешнеторговом обороте России составляла тогда 8,9 % (третье место после Китая — 10,5 % и Нидерландов — 9 %). При этом, однако, тогда мало кто обращал внимания на то, что на нашу страну приходилось лишь порядка 4 % внешнеторгового оборота ФРГ. Во многом именно этот парадокс — фактическая маргинальность значения российского рынка для немецкой экспортно ориентированной экономики при одновременно его масштабном «маркетинге на высшем уровне» — способствовал относительно безболезненному для ФРГ переходу в режим экономических санкций против России.

Активно развивался межкультурный диалог. Партнерские отношения поддерживали 23 субъекта Российской Федерации и 14 земель ФРГ, насчитывалось более 100 пар городов-партнеров. В 2011–2012 гг. успешно прошел «Российско-Германский год образования, науки и инноваций». В 2012–2013 гг. была реализована масштабная

программа «перекрестных» Годов России и Германии под девизом «Вместе строим будущее». В 2006 г. в Москве и Гамбурге учреждены национальные координационные бюро по молодежным обменам. Эффективно действовали Межправительственная комиссия по делам российских немцев, Смешанная комиссия по научно-техническому сотрудничеству, Совместная комиссия по изучению новейшей истории двусторонних отношений, Российско-Германский совет в области молодежного сотрудничества, другие совместные мероприятия в различном формате.

Параллельно с политическим и экономическим в сфере российско-германских отношений постепенно накапливался и значительный человеческий капитал. К сожалению, статистика о числе граждан двух стран, которые были так или иначе вовлечены в проекты и инициативы сотрудничества, отсутствует. Однако на рабочем уровне было заметно, что в его орбите сложились целые профессиональные прослойки специалистов, работавших в рамках инициативы «Партнерство для модернизации» — инженерные кадры совместных предприятий, юристы многочисленных филиалов немецких адвокатских бюро в России, участники совместных образовательных программ в высшей школе и «дуальном» среднем профобразовании. Речь шла о десятках тысяч высококвалифицированных, мотивированных специалистов, которые первыми пострадали от резкого ухудшения политического климата между Россией и ФРГ в 2014 г.

Как указывает Чрезвычайный и Полномочный Посол России в ФРГ в 2010–2018 гг. В.М. Гринин, при знакомстве с практическим наполнением российско-германских отношений в начале 2010-х годов возникала уверенность в том, что стратегическое партнерство Москвы и Берлина «на перспективу оборачивалось значимым ориентиром и движущим фактором формирования нового качества отношений России с Евросоюзом и трансатлантическим сообществом в целом» [3, с. 15].

От «Партнерства для модернизации» к санкционной «заморозке» диалога — политические и социальные компоненты

На фоне этих и других впечатляющих результатов сотрудничества то, что стало происходить в 2014 г. в Германии на «российском направлении», со стороны представлялось малообъяснимым — даже с учетом известной «трансатлантической солидарности» Берлина в крымском вопросе. Однако по мере углубления в тему становилось ясно, что идейные, доктринальные и даже поведенческие и психологические предпосылки для такого резкого разворота немцев от «Партнерства для модернизации» к повсеместной критике и неприятию России наблюдались у многих из них (во всяком случае, политически и социально активных) задолго до «крымской весны». Просто эти «тревожные звоночки» несколько затерялись за успехами на экономическом поприще и «красивыми картинками» из большой политики. Как утверждает В.М. Гринин, связывать обвал отношений с «украинским кризисом напрямую... было бы не только фактически ничем не оправдано, а просто нелепо. Началось и закончилось все это гораздо раньше. Причем явления наблюдались различные, но суть просматривалась единой» [3, с. 25].

В данном контексте в первую очередь, конечно, вспоминается активность германского бундестага, принявшего 15 декабря 2011 г. резолюцию «Протесты в Рос-

сии — обнадеживающий знак», а 9 ноября 2012 г. — новую резолюцию «Гражданское общество и правовое государство в России», которые, по сути, можно рассматривать как попытку вмешательства во внутреннюю политику России.

Связаны были эти и другие подобные «заявления», как представляется, во многом с первым этапом осознания немецкими «профессиональными политиками»³ тщетности своих усилий по «подгонке» политических реалий России под свое видение «идеальной демократии», которая, по их мнению, должна была восторжествовать на всем восточноевропейском и постсоветском пространстве. Вызвана была такая активность в умах немецких политиков, экспертов и представителей СМИ сформировавшейся после объединения Германии уверенностью в том, что модель внутривнутриполитического функционирования ФРГ является идеалом современного демократического государства с отлаженными политическими механизмами. Эта убежденность вместе с устремлением элит повысить роль страны на международной арене и привела к неизменно менторскому тону немецких партнеров в отношении России — начиная с межгосударственного формата и заканчивая поддерживаемыми Германией инициативами регионального партнерства. При этом необходимо отметить, что «продвижением демократии» немецкие политики и активисты, в отличие от заокеанских «коллег», занимались и занимаются искренне, с типичной немецкой «полной отдачей» делу и искренней верой в свою правоту.

Эта вера, конечно, во многом базируется на реальных успехах Германии в построении эффективного государственного механизма, который, в комплексе с развитой социальной рыночной экономикой и многочисленными структурами общественной самоорганизации, до недавнего времени обеспечивал в ФРГ относительно стабильный социальный и политический консенсус. На определенном этапе уверенность в возможности Германии трансформировать умы российских партнеров наводила немцев на мысль и о лидирующей роли — если не континентальной миссии — своей страны в «подгонке» России под требования, предъявляемые всем Евросоюзом своим потенциальным «бесконфликтным» партнерам. Об этом, к примеру, еще в 2006 г. указывалось в публикации одного из ведущих немецких «мозговых центров» — Германского фонда науки и политики (Die Stiftung Wissenschaft und Politik, SWP) — под названием «ЕС и Россия. Проблематика и рекомендации» [4].

Вместе с тем наличие у себя дома упомянутого опыта построения и развития эффективного государства явно мешало немцам глубже разобраться в источниках и специфике социальных и политических проблем в России, на Украине, в других странах и регионах, сотрудничество с которыми увязывалось ими с обязательными внутривнутриполитическими трансформациями. Полагаясь на универсальность своих социально-политических рецептов, к которым сами немцы пришли очень непро-

³ «Профессиональные политики» в данной статье — обозначение феномена, во многом присущего именно современной Германии: формировавшейся с 1980-х годов прослойки политических деятелей и активистов, которые вследствие развитости в ФРГ партийных институтов и соответствующих механизмов партийного продвижения начинали и продолжали свою политическую карьеру в полном отрыве от каких-либо иных сфер практической деятельности — с соответствующим мировоззрением, базирующимся на партийных, зачастую искусственно сформированных принципах, подразумевающих в ряде случаев стремление к достаточно радикальным общественным и экономическим изменениям, в том числе и в глобальном формате (к примеру, в случае с немецкими «Зелеными»).

стой дорогой, они достаточно искренне недоумевали, столкнувшись на примере России с иными общественными и политическими моделями. Это недоумение зачастую принимало и радикальные формы неприятия партнеров, на которых еще вчера «возлагались большие надежды»...

Заметный кризис идей о дальнейшем социально-политическом обрамлении «Партнерства для модернизации», как и в целом двустороннего сотрудничества, продемонстрировало состоявшееся в г. Кассель 4–6 декабря 2013 г. 13-е заседание «Петербургского диалога». Дискуссия, и так изначально конфликтная, была развернута вокруг темы «Социальные и политические права как залог свободного общества» и вновь продемонстрировала качественную разницу российских и германских подходов. Причем последние продвигались от заседания к заседанию «Диалога» все более напористо. Было заметно, что мероприятие, задуманное как основная площадка для экспертной дискуссии с целью «сопряжения мнений», во многом утратило свойственную ему ранее диалоговую функцию, превратившись в очередную трибуну для неизбежных протокольных выступлений и односторонних заявлений. Единого будущего для России и ФРГ в них уже не просматривалось, общие координаты практически отсутствовали.

Заметим, что в самой Германии такое разночтение экспертных мнений систематически находило практические и громкие отзвуки в СМИ и «бытовом» дискурсе. Постоянная критика Москвы не ограничивалась лишь «серьезными поводами» — к примеру, «Мюнхенской речью» В. В. Путина и событиями в Южной Осетии. Так, крайне негативный резонанс в германской медиасфере был отмечен в связи с принятием в России в июне 2013 г. закона, известного как запрет «пропаганды гомосексуализма». Информационный прессинг со стороны СМИ и НКО был развернут в момент приезда в Берлин после освобождения из заключения в декабре 2013 г. М. Ходорковского. В преддверии и в ходе зимних Олимпийских игр в Сочи в феврале 2014 г. немецкие газеты в режиме нон-стоп публиковали язвительные материалы, к примеру, о судьбе черкесов, «изгнанных» когда-то Российской империей с территории современного Сочи. Поводы находились самые разные...

На политическом олимпе ФРГ в отношении связей с Россией, несмотря на внешний «глянец», некоторая озабоченность будущим диалога также просматривалась задолго «до Крыма». Так, министр иностранных дел Германии Ф.-В. Штайнмайер в своем выступлении в июле 2012 г. в Берлине на ежегодном собрании Восточного комитета германской экономики (ВК) с нескрываемой обеспокоенностью говорил о наметившемся, по его мнению, застое в российско-германских отношениях, ответственность за который несет нынешнее руководство ФРГ: «...стратегическое партнерство не наполняется содержанием, движение вперед все медленнее, в германских официальных структурах доминирует самоуспокоенность на российском направлении» [5]. Таким образом, Ф.-В. Штайнмайер, в сущности, одним из первых немецких политиков официально признал: в политическом плане в те годы в Берлине предпочитали использовать на российском направлении потенциал, накопленный ранее правительством во главе с Г. Шрёдером. Фактически прямым текстом было сказано — с германской стороны формируется всё меньше идей для поступательного развития отношений, отсутствует политическая воля для решения застарелых проблем.

Очень наглядно данный факт проявлялся в подходах Берлина к вопросу возможной визовой либерализации между Россией и ЕС. В июне 2010 г. в ходе саммита Россия — ЕС в Ростове-на-Дону российская делегация представила партнерам проект соглашения об отмене визового режима. Тогда, естественно, никто не питал особых иллюзий, что положительное решение в тех или иных рамках будет принято быстро. Тем не менее шаг в данном направлении был сделан именно Москвой, причем шаг серьезный. И первая реакция со стороны руководства ФРГ, в том числе А. Меркель, была позитивной. В своих выступлениях канцлер неоднократно отмечала, что переход к полной отмене виз между Евросоюзом и Россией не будет быстрым, однако сама эта цель является правильной. К примеру, 25 октября 2012 г. в Берлине в ходе торжеств по случаю 60-летия ВК она, акцентировав поступательный и стратегический характер сотрудничества с Россией (двусторонний товарооборот вырос в период с 2000 по 2012 г. в пять раз), высказалась за необходимость достижения прогресса в визовом вопросе [6]. За год до этого, в сентябре 2011 г., депутаты комитета по международным делам бундестага ФРГ в позитивном ключе обсудили предложения германского бизнеса, представленные ВК, по либерализации и возможной отмене визового режима с Россией. Большинство участников открытых слушаний однозначно высказались в пользу изменения или полной отмены действующих визовых правил.

Тем не менее в последующие несколько лет данный вопрос оказался среди германских политиков явно невостребованным. Возможно, дело было в «бюрократической» грандиозности задачи. Конечно, свою роль сыграли и страхи немцев перед во многом «непонятной» для них Россией. Распахнуть двери для Восточной Европы было явно безопаснее. В отношении же нашей страны стали превалировать заученные и политкорректные формулировки. Как подметил Ф.-В. Штайнмайер, «Германия и ЕС в целом были слишком заняты собственными проблемами, российское направление неоправданно отодвигалось ими на второй план. В ЕС многие продолжали игнорировать возрастающую роль России в международных делах. На данном этапе необходимо вдохнуть в российско-германские связи новую, свежую жизнь, сохраняя в силе прежние установки на стратегический характер “Партнерства для модернизации”» [5].

Призыв политика, к сожалению, был практически не услышан. Например, в так называемом «Российском разделе» коалиционного правительственного договора ХДС, ХСС и СДПГ, подписанном 16 декабря 2013 г., дальнейшее развитие двусторонних отношений достаточно жестко увязывалось с необходимостью политических изменений в России [7]. Открыто декларировалось желание «распространить “Партнерство для модернизации” (инициативу преимущественно экономическую) на другие сферы с тем, чтобы обеспечить общественный, политический и экономический прогресс». От России требовалось соблюдение стандартов правового государства, высказывалось намерение пробудить к жизни новые формы общественного диалога с Москвой и интенсифицировать двусторонние контакты с представителями нового российского среднего класса и гражданского общества.

При этом в документе уже четко просматривалась трансформация германской «Восточной политики»⁴: в нем было зафиксировано, что при выстраивании отно-

⁴ Речь идет о процессе официального отказа Берлина от доктрины «Восточной политики» времен канцлера В. Брандта, предусматривавшей выстраивание в приоритетном порядке особых стра-

шений с Россией Германия «намерена учитывать обоснованные интересы наших общих соседей». Кроме того, содержание договора демонстрировало факт размышления в умах политических элит ФРГ восприятия германо-российских отношений как некоего особого двустороннего феномена. Напротив — их целенаправленно подводили к общеевропейскому знаменателю, призывая ЕС повысить уровень консолидации позиций в политике на российском направлении.

Можно ли рассматривать тенденции во внешней и внутренней политике ФРГ, в политическом дискурсе 2010–2013 гг. как дополнительное основание, которое было использовано для кардинального изменения подходов Берлина к России после крымских событий? Конечно, та быстрота, с которой германская сторона переориентировалась от диалога к жесткому политическому и санкционному прессингу, подсказывает, что да. Еще один вопрос, который волнует в связи с этим исследователей российско-германского взаимодействия: каково было соотношение в этом развороте непосредственно «немецкого» вклада, вызванного имевшимся в элитах желанием «изменить Россию», и внешнего фактора — европейской солидарности, учета интересов соседей по ЕС, давления Вашингтона? Ответить на этот вопрос в ограниченных рамках данной статьи достаточно сложно. Можно лишь утверждать, что действительно в 2014 г. значительная часть общественного мнения Германии, во всяком случае в своей политической и социально активной части, «отвернулась» от России, приняв как данность курс Берлина, приведший к деградации двусторонних связей. Бесконечно долго можно дискутировать о том, сделано ли это было под влиянием американцев, СМИ, пропаганды и т.д. Но факт остается фактом.

В политическом плане власти ФРГ тогда официально взяли курс на замораживание двустороннего диалога с целью «наказать» Россию за «аннексию» Крыма. Идея состояла в необходимости изолировать нашу страну в международном и внешнеэкономическом плане, избежав, конечно, критического ущерба для интересов Германии. Один из наиболее существенных ударов — отмена Берлином МГК (апрель 2014 г.), заседаний СРГ (март 2014 г.) и Рабочей группы по вопросам политики безопасности (РГВУ, март 2014 г.). В СМИ Германии циркулировала информация о наличии негласного запрета на официальные поездки в Россию высокопоставленных германских федеральных чиновников, а также руководителей компаний с госучастием.

В общественной сфере ФРГ очень быстро под запрет попали любые позитивные высказывания о России. В немецких социальных сетях даже ограниченное проявление симпатий в наш адрес подвергалось массовой обструкции ин-

тегических отношений ФРГ с нашей страной на основе признания Бонном послевоенных политико-территориальных реалий в Европе. Данный процесс был запущен в ФРГ после ухода в 2005 г. со своего поста канцлера Г. Шрёдера. Трансформация такого рода выразилась в том, что в рамках курса на расширение ЕС и НАТО на Восток на смену Советскому Союзу (России) в качестве главного объекта приложения дипломатических и политических усилий стали позиционироваться Польша, Чехия, другие государства ЦВЕ, Балтии, Украина и остальные страны СНГ. Первоначально данная линия проводилась в контексте политики «соседства», а затем «Восточного партнерства» ЕС. Окончательно отказ Берлина от прежних традиций «восточной политики» был оформлен под предлогом украинского кризиса 2014 г., когда вместо нее был провозглашен так называемый «двойной диалог» с Москвой, подразумевающий критику и сдерживание России при сохранении избирательного сотрудничества с ней в тех сферах, которые соответствуют германским интересам.

тернет-аудитории. Появлялись сообщения о том, что пророссийские высказывания некоторых наших соотечественников могли стоить им рабочих мест в немецких учреждениях. У российских дипломатических и консульских представительств практически ежедневно проходили митинги и пикеты. В обществе фактически раздувалась атмосфера крайнего неприятия, порой доходившая и до сфер, которые в принципе должны быть свободны от политики.

Факт кардинального разворота в сознании «обычного немца» в отношении России подтверждали и немецкие социологи. Так, опрос, проведенный в апреле 2014 г. старейшим в Германии институтом исследований общественного мнения «Алленсбах», продемонстрировал: в восприятии России немцами очень быстро произошли драматические изменения. Совершенно неожиданно после «аннексии» Крыма Россия снова стала для граждан Германии страной, от которой исходит опасность. 55 % опрошенных ассоциировали нашу страну с угрозой, и лишь 10 % воспринимали ее как надежного партнера. 76 % считали, что отношения между Москвой и Берлином серьезно ухудшились. Германские эксперты забили тревогу — степень недоверия немцев к России приближалась к уровню среднестатистического обывателя времен холодной войны. К примеру, в 1981 г. к русским с симпатией относились лишь 14 % западных немцев, 46 % демонстрировали антипатию. При этом своего пика положительное отношение граждан Германии к россиянам фиксировалось в 2003 г. — 41 % в новых землях и 30 % в западных [8].

Цифры в общественно-политических науках, как известно, вещь коварная. При их анализе необходимо учитывать особенность современного немецкого общества, выражающуюся в его крайней политизированности. Пожалуй, нигде в Европе нет такого значительного числа очень разных людей, которые крайне активно интересуются острыми социальными и политическими вопросами. Причем интересуются действительно — обсуждают на тематических встречах, участвуют в волонтерских инициативах, политических акциях. Делают они это очень увлеченно и, что главное, в полной уверенности в правоте идеи, которую отстаивают или представляют, можно даже сказать — с ощущением явного социального мессианства. Чувствует ли германская политика такой запрос социума или же, наоборот, современное немецкое общество благосостояния быстро «заражается» политическими лозунгами — сказать сложно. Процесс, скорее всего, обоюдный. Важно то, что антироссийская риторика политиков в самом начале кризиса отношений с Россией воспринималась рядовыми немцами без особых возражений. Сомнения пришли несколько позже.

Радикальный настрой многих граждан Германии по отношению к России был, конечно, во многом объясним и действиями СМИ. Ведь о необходимости «наказать» Москву твердилось в 2014 г. постоянно, в том числе и в самых уродливых формах. К примеру, газета «Бильд» во взаимодействии с ее столичным аналогом «Берлинер Цайтунг» в апреле 2014 г. выступили с призывом к гражданам начать сбор подписей за демонтаж танков на советском мемориале в берлинском районе Тиргартен. Поводом для этой информационной атаки была избрана, как указывалось, угроза, исходящая для свободной демократической Европы от русских танков [9]. При этом любой информационный прокол наших СМИ — сознательный или нет — тут же интерпретировался немцами как целенаправленная пропаганда. Сама же германская пресса на нее не скупилась практически ежедневно.

Серьезной критике в медиапространстве стали подвергаться немногочисленные немецкие структуры, которые в такой негативной атмосфере все же призывали к диалогу с Россией. Так, дискриминацию стала ощущать немецкая общественная организация «Германо-российский форум» (ГРФ), основной целью которой являлось развитие гражданского диалога между Россией и ФРГ. 20 апреля 2014 г. воскресный выпуск газеты «Ди Вельт» процитировал критические высказывания некоторых немецких экспертов, указавших на якобы «пророссийский» курс ГРФ, который, по их мнению, используется для продвижения экономических интересов России и ее позитивного имиджа в глазах граждан ФРГ⁵. Практическим следствием таких нападок стало впоследствии серьезное сокращение финансирования указанной организации.

Не будет преувеличением сказать, что в общественном дискурсе и СМИ Германии была запущена настоящая программа целенаправленной стигматизации немецких политиков, общественных деятелей и бизнесменов, которые высказывали так или иначе отличную от мейнстрима точку зрения на украинские события и российско-германские отношения. В оборот были введены отдельные, подаваемые крайне негативно «термины» — «Putinverstehер» и «Russlandverstehер» (буквально — «Понимающий Путина» и «Понимающий Россию»). Непосредственным поводом к появлению данных неологизмов стали опубликованные в СМИ призывы некоторых немецких политиков, в основном отставных социал-демократов, предотвратить отчуждение Германии и России. Одним из первых в мае 2014 г. в данном ключе выступил бывший федеральный канцлер Германии Г. Шмидт [10]. За ним последовали и другие аналогичные заявления, в том числе и действующих лидеров немецких «Левых» [11].

К концу 2014 г. зашкаливающий градус нагнетаемой в обществе антироссийской истерии стал восприниматься многими германскими политиками и общественными деятелями как уже чрезвычайно опасная ситуация, которая, по их мнению, вполне могла трансформироваться и в воинственную риторику. Как реакция на этот процесс 5 декабря 2014 г. шестьдесят германских политиков, режиссеров, писателей и общественных деятелей (которые, надо отметить, в своем большинстве в силу возраста или завершения карьеры уже не оказывали серьезного влияния на настроения «широкой публики» и официального Берлина) опубликовали на сайте газеты «Ди Цайт» открытое письмо под заголовком «Новая война в Европе? Не от нашего имени», призвав правительство ФРГ «осознать свою ответственность за мир в Европе, не вытеснять Россию из Европы, инициировать новую политику разрядки, возможную только на основе равной безопасности для всех при условии взаимного уважения каждого из партнеров» [12].

Показательно, что мнение «бывших» оказалось оперативно разгромлено политиками и активистами действующими. Уже 12 декабря в том же издании было размещено обращение ста немецких политологов (имена авторов широкой общественности были, правда, малоизвестны) в поддержку курса нынешнего правительства ФРГ на российском направлении. В новом тексте Россия однозначно пози-

⁵ ГРФ основан в Бонне в феврале 1993 г. и является координатором с немецкой стороны российско-германского Форума общественности «Петербургский диалог» и Форума «Потсдамские встречи».

ционировалась в качестве «агрессора», а на традиции добиваться «изменений через сближение» по образцу 1970–1980-х годов ставилась жирная точка.

В целом возможные и потенциальные симпатии к России старательно сводились в Германии на нет. В марте 2015 г. уже упоминавшийся институт «Алленсбах» провел исследование доверия немцев к информации, распространяемой российскими источниками. Выяснилось, что таковых среди представителей всех германских партий явное меньшинство. Больше всего их было в рядах сторонников партии «Левые» — 20 % и партии «Альтернатива для Германии» — 15 %. При этом, по мнению социологов, активность «понимающих Путина» в интернет-пространстве Германии — явление достаточно обманчивое: на форумах их было явное меньшинство [13].

Уважаемые, но все же отставные политики, конечно, могли не опасаться серьезных последствий из-за своих взвешенных и конструктивных высказываний. Этого, однако, нельзя было сказать о представителях немецкого бизнеса, многие из которых стали основными критиками политики санкционного давления А. Меркель. Наиболее последовательно ставил под сомнение эффективность действий руководства Германии председатель ВК Э. Кордес. Еще до введения экономических санкций он открыто и публично заявил о том, что «политика, которая загоняет Россию в угол, в долгосрочной перспективе неверна. Изолированная и в экономическом плане подавленная Россия не будет простым партнером» [14]. Вскоре он был вынужден покинуть свой пост, в том числе, как сообщалось в прессе, и в связи с трудностями из-за критического настроя в адрес официального Берлина. Как известно, неприкрытое давление на бизнес, намеревавшийся продолжать работу с Россией, оказывалось и со стороны Вашингтона. Были известны факты «вызова на ковер» в Посольство США в Берлине глав германских компаний, которых убедительно, под угрозой финансовых сложностей, отговаривали от участия в Петербургском международном экономическом форуме.

Официальный Берлин, конечно, по большей части старался внешне дистанцироваться от крайних действий и проявлений антироссийской истерии. В то же время политики посылали немцам четкий сигнал — возврата к прошлым, практически партнерским отношениям с Москвой не будет. Так, в интервью газете «Франкфуртер Альгемайне» 16 мая 2014 г., озаглавленном «Россия возвращается к старому мышлению», А. Меркель акцентировала внимание на «коренных» разногласиях с В. В. Путиным по ряду проблем международной жизни и внутреннего развития России. При этом канцлер все же высказывалась в пользу продолжения сотрудничества с Москвой, но лишь в средне- и долгосрочной перспективе, причем только на основе минимального общего знаменателя совместных ценностей. Такой подход очень скоро получил в немецкой политике официальное закрепление в формуле так называемого «двойного диалога», согласно которой надлежало совмещать жесткое сдерживание интересов России с выборочным сотрудничеством с ней в сферах, где это отвечало бы конъюнктурным интересам Берлина. Подобная политика, собственно, проводится ФРГ и по сей день.

Несколько позднее, уже в июне 2016 г., соответствующая «смена вех» в отношении России была зафиксирована и в военной доктрине — новой редакции «Белой книги по политике безопасности и будущему бундесвера», не обновлявшейся с 2006 г. Применительно к нашей стране в документе было сказано следующее:

«Россия прямо ставит под вопрос европейский миропорядок своей готовностью использовать силу для продвижения собственных интересов... это имеет далеко идущие последствия для европейской безопасности и, тем самым, для безопасности Германии. Россия при этом отвергает тесное партнерство с Западом и делает акцент на стратегическом соперничестве. В отсутствие фундаментальных изменений своего курса Россия, таким образом, будет представлять собой вызов безопасности нашего континента в обозримом будущем». Столь жесткие выкладки сопровождалась, в полном соответствии с уже упомянутой политикой «двойного диалога», внешне «примирительными» сентенциями о том, что «устойчивую безопасность и процветание в Европе нельзя обеспечить без плотного сотрудничества с Россией, в отношениях с которой важно найти правильный баланс между коллективной обороной и устойчивостью, с одной стороны, и подходами к кооперативной безопасности и секторальному сотрудничеству — с другой» [15].

«Реанимация» сотрудничества: ограниченная секторальная кооперация как «новая нормальность» двусторонних отношений

В этих условиях для российской дипломатии и политики на германском направлении начиная с 2014 г. встал серьезный вопрос о способах и формах дальнейшей практической работы по недопущению окончательного разрушения двусторонних отношений. В условиях, когда оперировать проверенными методами и форматами стало практически невозможно — вследствие как крайнего политического охлаждения, так и агрессивной информационной антироссийской политики, — ставка была сделана на максимально широкое использование выведенных Берлином из-под санкций и политического давления сфер — культуры, образования, межрегиональных партнерских связей.

Первостепенной задачей в условиях тотального информационного вакуума, стало желание донести до немецкой аудитории свою точку зрения — причем не столько на украинские события, сколько на будущее российско-германских отношений. Сделать это было возможно, к примеру, в ходе двусторонних мероприятий, организуемых не в «закрытом» для российских делегаций Берлине, а на уровне федеральных земель или в рамках тематических международных площадок. Первым подобный подход был апробирован в ходе 7-го Российско-Германского сырьевого форума в Дрездене в апреле 2014 г. С российской стороны в мероприятии приняли участие заместитель Председателя Правительства А. В. Дворкович, а также губернаторы Ханты-Мансийского автономного округа, Мурманской и Вологодской областей. По сути, данный форум стал единственным российско-германским мероприятием, не отмененным тогда в ФРГ из-за политического кризиса. Обструкция, устроенная германскими СМИ данной конференции, а также игнорирование ее со стороны федеральных властей страны явно контрастировали с довольно теплым приемом в Саксонии, призывами к диалогу, которые, несмотря на обязательное уже к тому времени наличие фраз об «аннексии Крыма», прозвучали в выступлении премьер-министра земли С. Тиллиха [16].

Повторно информационная и политическая блокада была прорвана 9–10 апреля 2014 г. в ходе очередного «Восточного форума» в Берлине, в котором принял участие первый заместитель Председателя Правительства Российской Федерации

И. И. Шувалов. И хотя российские конструктивные тональности в ходе этого мероприятия явно контрастировали с критическим настроем министра иностранных дел ФРГ Ф.-В. Штайнмайера, заявлявшего о неприемлемости политики со стороны России, нацеленной на дальнейший раскол Украины [17], главная цель была достигнута — немцы услышали точку зрения, которую для них сознательно оставляли «за кадром». В аналогичном ключе российские соорганизаторы подошли и к проведению 23 апреля 2014 г. в Лейпциге расширенного заседания координационных комитетов форума «Петербургский диалог». И хотя «большое» ежегодное заседание диалога было тогда отменено по «рекомендации» властей ФРГ, интерес к этому формату и его возобновление в 2015 г. продемонстрировали «второе дыхание» этой и других диалоговых площадок, к примеру форума «Потсдамские встречи», повестка которого, изначально сконцентрированная на вопросах культуры, науки и образования, была расширена за счет острых тем политического и международного характера.

Кризис «большой политики» дал серьезный импульс и для качественного развития формата партнерских связей между городами и регионами России и Германии. Не секрет, что к моменту описываемых событий эта форма взаимодействия переживала серьезный кризис. Задуманная еще в эпоху железного занавеса как единственная возможность хотя и ограниченного, но все же взаимодействия граждан двух стран, она потеряла былую актуальность во времена повсеместной открытости. С нашей стороны ее фактически искусственно поддерживали организации активистов при явно незначительной помощи муниципалитетов и региональных властей. В 2014 г. эти связи «вдруг», на какой-то момент, вновь стали единственным каналом коммуникации. Тринадцатая конференция городов-партнеров России и Германии, которая прошла в 2015 г. в г. Карлсруэ, продемонстрировала, что, несмотря на разницу в подходах, русские и немцы, как и раньше, могут и хотят разговаривать друг с другом, развивать совместные инициативы «на местах» в области здравоохранения, экологии, городского развития, образования и многих других, которые, в отличие от политических трактовок, непосредственно касаются жизни обычных граждан, далеких от столичных высоких материй.

Это противоречие, сопровождающее практически все время затянувшегося кризиса в отношениях России и Германии, очень образно подметил уже в 2019 г. бургомистр небольшого саксонского городка Байльроде: он «не берется комментировать российско-германские отношения на высшем уровне, но на уровне более низком эти отношения просто прекрасны» [18]. Автор может лично подтвердить данное утверждение: в ходе регулярного участия в региональных и муниципальных дискуссионных и бизнес-мероприятиях в различных частях Германии их организаторы и участники «на местах» практически всегда выступали за нормализацию диалога с Россией. В ряде случаев, особенно в «старых» федеральных землях, местная аудитория часто признавала, что на уровне бытового общения в германском обществе существует негласный запрет на высказывание позитива в отношении России. Такие вопросы «не принято» обсуждать, к примеру, в кругу друзей. Информационный вакуум по российской тематике еще более способствовал этому политкорректному «молчанию».

В интересующий нас период, конечно, на уровне региональной немецкой политики не все было так безоблачно. К примеру, ряд немецких общественных органи-

заций и активисты Гамбурга и Дрездена несколько раз предлагали разорвать партнерские отношения с Санкт-Петербургом. Но такие эксцессы были скорее исключением из правил. Власти ряда федеральных земель, причем не только восточных, начинали постепенно и осторожно, но уже официально озвучивать опцию возможного снятия санкций. Так, в декабре 2015 г. об этом говорил премьер-министр Баварии Х. Зеехофер накануне и в ходе своего визита в Россию. С его точки зрения, данную тему необходимо было обсудить обстоятельно, в первую очередь в связи с тем, что Германия нуждалась в России в деле урегулирования международных кризисов [19]. Сама поездка, согласованная с А. Меркель, подверглась в немецкой прессе и со стороны многих политиков сильнейшей критике. Однако жесткий тон с этого времени уже практически перестал пугать региональных лидеров, которые все чаще начинали ставить под сомнение целесообразность дальнейшего экономического и политического давления на Россию. Порой диалоговые инициативы приходили и с местного уровня. Так, в 2015 г. бургомистр г. Цербста (федеральная земля Саксония-Ангальт) А. Диттманн выступил с идеей проведения в своем городе форума «Германо-российский экономический диалог» с целью информирования граждан о реальной ситуации в России.

Таким образом, процесс постепенного осознания бесперспективности дальнейшей конфронтации стал с этого момента достаточно зримым. Наиболее наглядно это доказал успех организованных в мае 2016 г. «Дней России» в Мекленбурге — Передней Померании — мероприятия, изначально задуманного как локальный бизнес-форум в рамках побратимства этого региона ФРГ с Ленинградской областью. На деле данная рабочая конференция стала в Германии первой площадкой, где вновь встретились федеральные министры двух стран. И именно здесь от берлинских официальных лиц впервые прозвучали «сомнения» в эффективности продолжения санкционного давления на Россию. К примеру, министр экономики и энергетики З. Габриэль высказался о возможности «постепенного снятия рестрикций» [20] (чем опять же вызвал негатив в свой адрес со стороны, в частности, коллег социал-демократов).

Пожалуй, именно с этого момента началось постепенное и очень медленное «потепление» в российско-германских отношениях. Шаг за шагом восстанавливались, хотя и не в полном объеме, некоторые замороженные ранее Берлином межведомственные форматы взаимодействия, к примеру СРГ и РГВУ. Был успешно проведен ряд российско-германских «перекрестных» Годов. Летом 2017 г. Президент России принял участие в саммите G20 в Гамбурге, в 2018 г. В. В. Путин и А. Меркель провели переговоры в Сочи и Мезеберге. Постепенно активизируются экономические, межведомственные и парламентские контакты. Однако говорить о полноценном восстановлении российско-германского сотрудничества еще явно преждевременно.

Можно сказать, что, к сожалению, такой ограниченный диалог стал на определенном этапе своеобразной «новой нормальностью» двусторонних отношений, к которой, как неоднократно указывали в экспертной среде, очень легко привыкнуть — и потерять прежние практические наработки. Германия, продолжая реализовывать с Россией экономические проекты, в том числе и имеющий стратегическое значение «Северный поток — 2», в идеологическом и ценностном плане фактически играет в Европе одну из ведущих ролей в поддержании политики даль-

нейшего давления на Россию. Парадоксальным образом данную функцию выполняет именно та страна, которая имела до кризиса самые развитые и многогранные отношения с Россией. В то же время в других государствах ЕС вопрос «наказания России» никогда не становился «темой номер один». И именно в ФРГ данное направление было возведено практически в систему — информационную, политическую, и даже административно-правовую (имея в виду жесткий экспортный контроль) — со своими многочисленными апологетами и противниками, медиа-поддержкой и социальной активностью. Сеем предположить, что именно запас прочности, который был сформирован в двусторонних отношениях ранее — и русскими, и немцами, — послужил тому, чтобы данная система не смогла заработать на все 100%.

Заключение

Последние пять с половиной лет оказались для российско-германских отношений настоящей проверкой на прочность. Уровень и объем сотрудничества России и Германии стали совсем другими. На стороне Берлина полностью изменились исходные принципы, на основе которых немецкие дипломаты, политики и эксперты выстраивают взаимодействие с Москвой. Трансформировалась и сама Германия, где отказ от «Партнерства для модернизации» совпал с другими важнейшими событиями собственной новейшей истории — миграционным кризисом, сменой поколений в элитах, «зеленой» перестройкой экономики, финансовыми и политическими проблемами в еврозоне, трениями с «трамповским» Вашингтоном и усиливающимся китайским экономическим фактором. Страна впервые за послевоенную историю активно и небезуспешно пытается занять свое место в большой мировой политике, продвигая на международной арене собственные взгляды на важнейшие аспекты мирового развития в XXI в. В этом контексте представляется, что «история» деградации связей с Россией для Берлина — в его нынешнем состоянии политической мысли и политической жизни — воспринимается лишь как отдельный эпизод в ряду множества задач и вызовов. И стоит он, в отличие от времен «новой восточной политики», не в самых первых рядах. Тем более на фоне быстрого размывания в Германии казавшегося стабильным внутреннего партийного ландшафта, что показали, в частности, и выборы в Европарламент 27 мая 2019 г. Можно предположить, что теперь в германскую политику еще громче будут стучаться носители политических, экономических, социальных и природоохранных идей глобального измерения — идей в сущности благих, которые, однако, ставят под вопрос старые модели поведения ФРГ на международной арене и в двусторонних отношениях. Парадоксальным образом внутренние противоречия, которые сегодня переполняют германскую действительность, лишь подстегнули поиск немцами ответов на них вовне — от цели декарбонизировать мировую экономику за 100 лет до поиска «российского следа» в электоральных неудачах правящих партий.

Что будет формировать мировоззрение германских политиков на российском направлении в ближайшем будущем? Очевидно, что обозначенные в данной статье особенности политического ландшафта ФРГ — явление длительное, имеющее глубинные причины. Их учет для российской политики и дипломатии означает отказ от былой эйфории и возвращение к системной, даже рутинной

работе по выстраиванию качественных механизмов взаимодействия с Германией. Определенный запрос на их развитие в ФРГ сохраняется. Желание «трансформировать» Москву там, конечно, нигде не исчезло, скорее напротив. Но одновременно в Берлине имеется понимание невозможности без России эффективно решить поставленные амбициозные внешнеполитические цели страны в XXI в. и противодействовать актуальным глобальным вызовам. Поиск баланса между этими двумя факторами, судя по всему, и станет основой дальнейшей политики Германии в отношении России.

Литература

1. Krause J. Russland richtig verstehen. Den Dialog suchen, aber Grenzen aufzeigen: Was der Westen jetzt tun muss. 24.03.2014. URL: <https://zeitschrift-ip.dgap.org/de/ip-die-zeitschrift/themen/russland-richtig-verstehen> (дата обращения: 04.03.2019).
2. Daehnhardt P., Handl V. Germany's Eastern Challenge and the Russia-Ukraine Crisis: A New Ostpolitik in the Making? // German Politics. 2018. Vol. 27, is. 4. P. 445–459. URL: <https://www.tandfonline.com/doi/full/10.1080/09644008.2018.1448385> (дата обращения: 04.03.2019).
3. Гринин В. М. Двудеинство судьбы. Как России и Германии распорядиться будущим во благо себе и миру. М.: Вест-Консалтинг, 2019. 224 с.
4. SWP-Berlin. EU and Russia. Problems and guidelines. December 2006. URL: https://www.swp-berlin.org/fileadmin/contents/products/studien/2006_S34_fhs_ks.pdf (дата обращения: 04.03.2019).
5. Steinmeier F.-W. Speech by Federal Minister for Foreign Affairs at the annual meeting of the German Eastern Business Association. Berlin, July 4, 2012. URL: https://www.oaev.de/sites/default/files/pm_pdf/Rede%20Ostausschuss%20Steinmeier-2012-07-04%20FINAL.pdf (дата обращения: 03.02.2019).
6. Merkel A. Speech by Federal Chancellor at the anniversary of the German Eastern Business Association in Berlin. 25 October 2012. URL: <http://www.bundesregierung.de/Content/DE/Rede/2012/10/2012-10-25-merkel-60-jahre-ostausschuss.html?nn=391850> (дата обращения: 23.04.2017).
7. German coalition treaty. URL: <https://ia801004.us.archive.org/24/items/Koalitionsvertrag2013CDUCSUSPDGerman/Koalitionsvertrag%202013%20%5BCDU-CSU-SPD-German%5D.pdf> (дата обращения: 01.04.2019).
8. Koecher R. Dangerous State // Frankfurter Allgemeine Zeitung. April 15, 2014. URL: https://www.faz.net/aktuell/politik/inland/allensbach-umfrage-zum-russlandbild-der-deutschen-12897404.html?printPage&Article=true#pageIndex_0 (дата обращения: 10.04.2019).
9. We don't want any Russian tanks at the Brandenburg Gate // Bild. April 15, 2014. URL: <https://www.bild.de/politik/ausland/petitionen/keine-russen-panzer-am-brandenburger-tor-35509848.bild.html> (дата обращения: 17.04.2019).
10. Ex-German Chancellor: Rutins action is "Entirely understandable" // Die Zeit. URL: <https://www.zeit.de/politik/2014-03/schmidt-krim-putin> (дата обращения: 18.04.2019).
11. Neukirch R. The Sympathy Problem. Is Germany a Country of Russia Apologists? // Spiegel-online. URL: <https://www.spiegel.de/international/germany/prominent-germans-have-understanding-for-russian-annexation-of-crimea-a-961711.html> (дата обращения: 22.03.2019).
12. War in Europe Again? Not in Our Names! // Die Zeit. URL: <https://www.zeit.de/politik/2014-12/aufruf-russland-dialog> (дата обращения: 19.04.2019).
13. Petersen T. The scope of propaganda. URL: https://www.ifd-allensbach.de/uploads/tx_reportsdocs/FAZ_Ma__rz_Russland.pdf (дата обращения: 11.03.2019).
14. Sanctions against Russia // Sueddeutsche Zeitung. URL: <https://www.sueddeutsche.de/wirtschaft/sanktionspolitik-russland-nicht-in-die-enge-draengen-1.2798174> (дата обращения: 12.03.2019).
15. The 2016 White Paper. URL: <https://www.bmvg.de/resource/blob/13708/015be272f8c0098f1537a491676bfc31/weissbuch2016-barrierefrei-data.pdf> (дата обращения: 11.03.2019).
16. Tillich S. Speech by Minister President of Saxony at the Russian-German raw materials conference. URL: <https://www.ministerpraesident.sachsen.de/reden-4980.html> (дата обращения: 2.10.2018).
17. Steinmeier F.-W. Speech by Federal Minister for Foreign Affairs at the opening ceremony of the east forum Berlin. URL: <https://www.auswaertiges-amt.de/de/newsroom/140409-bm-east-forum/261528> (дата обращения: 12.04.2019).

18. Linkup on the Elbe: a memorial tank and money from Volgograd // Deutsche Welle. URL: <https://www.dw.com/ru/встреча-на-эльбе-танк-памятник-и-деньги-из-волгограда/a-48586715> (дата обращения: 08.05.2019).

19. Seehofer in Moskau. Friendship! // Spiegel-online. URL: <https://www.spiegel.de/politik/deutschland/horst-seehofer-bei-putin-die-moskau-muenchen-connection-a-1075145.html> (дата обращения: 25.04.2019).

20. Dobbert S. Social Democrats oppose Gabriels Ostpolitik // Die Zeit. May 27, 2016. URL: <https://www.zeit.de/politik/2016-05/russland-sanktionen-spd-gabriel-ostpolitik-arbeitskreis> (accessed 20.03.2019).

Статья поступила в редакцию 10 мая 2019 г.

Статья рекомендована к печати 25 июня 2019 г.

Контактная информация:

Багай Андрей Владимирович — канд. полит. наук, 1-й секретарь отдела российско-германских двусторонних отношений; bagai_mid@mail.ru

Russian-German Relations “after Crimea”: from “Partnership for Modernization” to Degradation of the Dialogue Formats

A. V. Bagai

Third European Department, Foreign Ministry of the Russian Federation,
32/34, Smolenskaya-Sennaya pl., Moscow, 119200, Russian Federation

For citation: Bagai A. V. Russian-German Relations “after Crimea”: from “Partnership for Modernization” to Degradation of the Dialogue Formats. *Vestnik of Saint Petersburg University. International Relations*, 2019, vol. 12, issue 3, pp. 357–376. <https://doi.org/10.21638/11701/spbu06.2019.307> (In Russian)

This article concentrates on the analysis of the driving forces and processes in the Russian-German relations which in many respects have been defining and accompanying the radical changes in the dialogue between Moscow and Berlin since the spring of 2014. It reviews the state of their bilateral relations in political and economic spheres in the “pre-crisis” period, reveals the specifics of public and political discourse in Germany on Russia, the dynamic and quality of which to a great extent defined the dramatic changes of German foreign policy on Russian matters. Along with Russian and German information sources the article is based on the observations and conclusions of the author, who worked in the Embassy of Russia in Berlin in 2012–2017, and earlier worked in the “German” department of the Committee for External Relations of the Government of Saint Petersburg. The article also covers several aspects of practical diplomatic work devoted to the overcoming of crisis manifestations in Russian-German relations. It examines well-established by 2014 and still-developing information and internal political prerequisites for a significant “cooling” of German relations with Russia which was triggered by the events in Ukraine. The article analyses the main trends in German public and political discussion on the future of bilateral relations with Russia and their place and role in the international dimension in general. It contains examples of practical diplomatic activities, which allowed the process of rapid degradation of Russian-German dialogue to slow down significantly. Despite some progress achieved in 2017–2018 the dialogue itself is still in a serious crisis.

Keywords: Russian-German relations, information policy, diplomacy, interregional cooperation.

References

1. Krause, J. *Russland richtig verstehen. Den Dialog suchen, aber Grenzen aufzeigen: Was der Westen jetzt tun muss*, 24.03.2014, available at: <https://zeitschrift-ip.dgap.org/de/ip-die-zeitschrift/themen/russland-richtig-verstehen> (accessed: 04.03.2019).

2. Daehnhardt, P. and Handl, V. (2018), Germany's Eastern Challenge and the Russia–Ukraine Crisis: A New Ostpolitik in the Making?, *German Politics*, vol. 27, iss. 4, pp. 445–459, available at: <https://www.tandfonline.com/doi/full/10.1080/09644008.2018.1448385> (accessed: 04.03.2019).
3. Grinin, V.M. (2019), *Twofold of destiny. How Russia and Germany can deal with the future*, Vest-Consalting Publ., Moscow, 224 p. (In Russian)
4. SWP-Berlin. *EU and Russia. Problems and guidelines. December 2006*, available at: https://www.swp-berlin.org/fileadmin/contents/products/studien/2006_S34_fhs_ks.pdf (accessed: 04.03.2019).
5. Steinmeier, F.-W. *Speech by Federal Minister for Foreign Affairs at the annual meeting of the German Eastern Business Association, Berlin, July 4, 2012*, available at: https://www.oaev.de/sites/default/files/pm_pdf/Rede%20Ostausschuss%20Steinmeier-2012-07-04%20FINAL.pdf (accessed: 03.02.2019).
6. Merkel, A. *Speech by Federal Chancellor at the anniversary of the German Eastern Business Association in Berlin. 25 October 2012*, available at: <http://www.bundesregierung.de/Content/DE/Rede/2012/10/2012-10-25-merkel-60-jahre-ostausschuss.html?nn=391850> (accessed: 23.04.2017).
7. *German coalition treaty*, available at: <https://ia801004.us.archive.org/24/items/Koalitionsvertrag2013CDUCSUSPDGerman/Koalitionsvertrag%202013%20%5BCDU-CSU-SPD-German%5D.pdf> (accessed: 01.04.2019).
8. Koecher, R. (2014), Dangerous State, *Frankfurter Allgemeine Zeitung*, April 15, available at: https://www.faz.net/aktuell/politik/inland/allensbach-umfrage-zum-russlandbild-der-deutschen-12897404.html?printPagedArticle=true#pageIndex_0 (accessed: 10.04.2019).
9. We don't want any Russian tanks at the Brandenburg Gate (2014), *Bild*, April 15, available at: <https://www.bild.de/politik/ausland/petitionen/keine-russen-panzer-am-brandenburger-tor-35509848.bild.html> (accessed: 17.04.2019).
10. Ex-German Chancellor: Rutins action is "Entirely understandable", *Die Zeit*, available at: <https://www.zeit.de/politik/2014-03/schmidt-krim-putin> (accessed: 18.04.2019).
11. Neukirch, R. The Sympathy Problem. Is Germany a Country of Russia Apologists?, *Spiegel-online*, available at: <https://www.spiegel.de/international/germany/prominent-germans-have-understanding-for-russian-annexation-of-crimea-a-961711.html> (accessed: 22.03.2019).
12. War in Europe Again? Not in Our Names!, *Die Zeit*, available at: <https://www.zeit.de/politik/2014-12/auf-russland-dialog> (accessed: 19.04.2019).
13. Petersen, T. *The scope of propaganda*, available at: https://www.ifd-allensbach.de/uploads/tx_reportsndocs/FAZ_Ma_rz_Russland.pdf (accessed: 11.03.2019).
14. Sanctions against Russia, *Sueddeutsche Zeitung*, available at: <https://www.sueddeutsche.de/wirtschaft/sanktionspolitik-russland-nicht-in-die-enge-draengen-1.2798174> (accessed: 12.03.2019).
15. *The 2016 White Paper*, available at: <https://www.bmvg.de/resource/blob/13708/015be272f8c0098f1537a491676bfc31/weissbuch2016-barrierefrei-data.pdf> (accessed: 11.03.2019).
16. Tillich, S. *Speech by Minister President of Saxony at the Russian-German raw materials conference*, available at: <https://www.ministerpraesident.sachsen.de/reden-4980.html> (accessed: 02.10.2018).
17. Steinmeier, F.-W. *Speech by Federal Minister for Foreign Affairs at the opening ceremony of the east forum Berlin*, available at: <https://www.auswaertiges-amt.de/de/newsroom/140409-bm-east-forum/261528> (accessed: 12.04.2019).
18. Linkup on the Elbe: a memorial tank and money from Volgograd, *Deutsche Welle*, available at: <https://www.dw.com/ru/встреча-на-эльбе-танк-памятник-и-деньги-из-волгограда/a-48586715> (accessed: 08.05.2019).
19. Seehofer in Moskau. Friendship!, *Spiegel-online*, available at: <https://www.spiegel.de/politik/deutschland/horst-seehofer-bei-putin-die-moskau-muenchen-connection-a-1075145.html> (accessed: 25.04.2019).
20. Dobbert, S. (2016), Social Democrats oppose Gabriels Ostpolitik, *Die Zeit*, May 27, available at: <https://www.zeit.de/politik/2016-05/russland-sanktionen-spd-gabriel-ostpolitik-arbeitskreis> (accessed: 20.03.2019).

Received: May 10, 2019

Accepted: June 25, 2019

Author's information:

Andrey V. Bagai — PhD (Political Science), First secretary of the Department of Russian-German bilateral relations; bagai_mid@mail.ru